

Семантизация акцентных вариантов русских существительных третьего склонения: не только второй предложный

Сергей С. Сай

*Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия, serjzhka@yahoo.com*

Аннотация. У русских существительных третьего склонения, имеющих особую форму второго предложного, эта форма имеет наконечное ударение, а все остальные формы единственного числа, как считается, получают наосновное ударение (ср. род., дат. ед. ч. *тэни*, «обычный» предл. *о тэни*, но второй предл. *в тени*). Однако обращение к текстам поэтического корпуса НКРЯ показывает, что по крайней мере те существительные третьего склонения, которые имеют форму второго предложного и обозначают вещества (*грязь, кровь и пыль*), демонстрируют колебания акцентов не только в предложном падеже, но и в других формах с окончанием *-и*. Распределение вариантов статистически отражает семантические противопоставления: наконечное ударение более характерно для контекстов, предполагающих плотный контакт, погружение в вещество, особенно для контекстов с предлогом *по* и формой дат. падежа: *брести по грязи*. Семантизация акцентов в формах род. и дат. падежей предположительно обусловлена аналогией с предложным падежом и указывает на начало формирования противопоставления по признаку контактности, проходящего сквозь всю падежную парадигму как минимум у некоторых существительных третьего склонения.

Ключевые слова: акцентология, русский язык, падеж, второй предложный, поэтический корпус

Для цитирования: Сай С.С. Семантизация акцентных вариантов русских существительных третьего склонения: не только второй предложный // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. С. 64–84. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-64-84

Semanticization of accentual variants in Russian nouns of the third declension: beyond the “second locative” case

Sergey S. Say

*Russian Academy of Sciences Institute for Linguistic Studies,
Saint Petersburg, Russia, serjozhka@yahoo.com*

Abstract. Some Russian nouns of the third declension have a specialized “second locative” form with the stressed desinence *-u*. By contrast, the otherwise homophonous genitive, dative and “plain” locative forms of these nouns are believed to have stress on the stem, cf. genitive, dative and “plain” locative *ménu*, vs. second locative (*в*) *менú* ‘(in) the shade’. However, the data from the poetic texts available in the Russian National Corpus indicate that some of the relevant nouns display accentual variation in their genitive and dative forms. This variation statistically reflects semantic contrasts: in particular, nouns denoting substances (*грязь* ‘dirt’, *пыль* ‘dust’, *кровь* ‘blood’) tend to have stress on the desinence *-u* in contexts denoting fixed attachment or immersion in the substance. Semanticization of these accentual contrasts is arguably triggered by analogy with the locative forms. These findings indicate a nascent feature of *+/-* attachment, which cross-cuts case paradigms of at least some Russian nouns.

Keywords: accentology, Russian, case, second locative, poetic corpus

For citation: Say, S.S. (2021), “Semanticization of accentual variants in Russian nouns from the third declension: beyond the ‘second locative’ case”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 64-84, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-64-84

1. Введение

Общеизвестно, что формы второго предложного падежа в русском языке (т. е. формы вроде *в саду́, на лу́гу, в пы́ли*, противопоставленные «обычному» предложному – *о са́де, о лу́ге, о пы́ли*) используются только после предлогов *в* и *на* в составе обстоятельств (не дополнений), чаще всего – в составе обстоятельств места¹. Также хорошо известно, что образование отдельных форм второго предложного подвержено многочисленным формальным ограничениям: по преимуществу оно фиксируется у односложных существительных

---

¹ Некоторые разделы проведенного исследования были впервые кратко изложены в [Сай 2020].

с определенными акцентными характеристиками [РГ-80, §1182, 1188; Иткин 2016]. Однако взгляды на степень семантической мотивированности набора существительных, имеющих отдельные формы второго предложного, и на семантическую регулярность противопоставления двух предложных падежей очень различаются. Одни исследователи делают акцент на том, что сочетания со вторым предложным часто фразеологичны, «штучны» [Еськова 2011, с. 511], другие стремятся увидеть в этой подсистеме русской грамматики некоторую регулярность. В рамках этого второго подхода безусловно находится статья В.А. Плунгяна [Плунгян 2002], где проводится тезис о существовании у второго предложного семантического инварианта или по крайней мере центрального значения – значения «жесткой» локализации. По мнению В.А. Плунгяна, именно это специфическое пространственное значение обуславливает способность русских существительных образовывать формы второго предложного, используемые в сочетаниях с предлогами *в* и/или *на*.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, что по крайней мере у некоторых существительных русского языка значение «жесткой» локализации коррелирует с образованием особых форм (конкретнее – с выбором конечной акцентировки) не только в предложном, но и в других косвенных падежах.

Дальнейшее обсуждение строится следующим образом. В разделе 2 вводится объект рассмотрения и предлагается краткий обзор базовых фактов о склонении и акцентуации изучаемых существительных. В разделе 3 описывается процедура сбора материала. В разделе 4 представлены основные эмпирические результаты исследования. Интерпретации этих результатов посвящен заключительный раздел 5.

2. Исходные факты и постановка задачи

Непосредственным объектом рассмотрения в этом исследовании стало небольшое подмножество односложных существительных женского рода, оканчивающихся в орфографической записи на *ь*, т. е. существительных третьего склонения (*бровь, соль, речь*). Для начала необходимо напомнить основные релевантные факты о склонении и акцентуации таких существительных.

Если у слова третьего склонения есть специализированная форма второго предложного, то она всегда имеет ударное окончание *-й*. Подавляющее большинство существительных третьего склонения имеют схему ударения **а** (дефолтный тип, ср. *ткань, глупость*)

или **е** (обширный, но закрытый список, например, *вещь, церковь*), см. [Зализняк 2010, с. 441–442]². Эти два акцентных типа различаются во множественном числе, но имеют наосновное ударение во всех шести основных падежах единственного числа. Помимо этого, несколько существительных имеют схему **f**³ с наконечным ударением во всех формах единственного числа с окончанием *-и*, ср. *глушь* (род., дат. и предл. *глуши́*, твор. *глу́шью*). Вероятно, акцентовка форм единственного числа с окончанием *-и* выравнивается под воздействием формы второго предложного, особенно частотного у этих существительных (ср. *в глуши́*); об этом же говорит втягивание в акцентный тип **f** некоторых топонимов: *Русь, Тверь, Обь, Пермь* [Иткин 2016].

Итак, слов третьего склонения с «легитимным» ударением на окончании *-и* в формах род. и дат. ед. ч. в современном русском языке крайне мало, а системных оснований для акцентного различия этих двух форм нет вообще. При этом «ударение на флексии в формах род. и дат. падежей в литературном языке конца XVIII и нач. XIX в. (тоже. – С. С.) не было нормативным» [Воронцова 1979, с. 69].

Однако в реальном узусе ударение иногда попадает на окончание в формах родительного и дательного падежа и у существительных, которые словарно характеризуются акцентными схемами **а** или **е** (ср. *с печи́, с сети́, по груди́, из сети́*); это фиксировалось как в современном языке [Зализняк 2010, с. 432], так и в текстах XVIII–XIX вв. [Воронцова 1979, с. 69–70; Булаховский 1954, с. 162–163].

Аналогическое воздействие второго предложного в формировании таких употреблений несомненно, см. краткое упоминание в [Булаховский 1954, с. 162] и подробное и убедительное обсуждение в [Иткин 2016]. И.Б. Иткин рассматривает этот процесс как постепенный переход новых существительных в экзотический акцентный тип **f**: то, что уже произошло с существительным *глушь*, на наших глазах воспроизводится, скажем, в акцентуации форм существительного *сеть*, особенно в его новых значениях (ср. *зона действия сети́* и т. д.).

Однако даже если эти колебания – лишь отражение постепенного перехода из одного класса в другой, синхронно они могут

---

² Впервые опубликовано: Зализняк А.А. Ударение в современном русском склонении // Русский язык в национальной школе. 1963. № 2. С. 7–23.

³ Обозначение из: Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 2003 (далее – ГСРЯ). В [Зализняк 2010] тот же класс обозначен как **b**'.

регулироваться грамматическими и семантическими факторами. Видимо, систематических попыток выявить эти факторы до сих пор не предпринималось. Именно такая задача ставится в настоящем исследовании, пусть и на ограниченном лексическом материале.

3. Сбор материала

Формы второго предложного имеют около 20 существительных 3-го склонения. В статье [Плунгян 2002] они были разбиты на пять семантических групп: вместилища, участки пространства, объекты, вещества и ситуации. Из этих пяти групп здесь будет рассмотрена только одна – вещества. Названия веществ интересны тем, что допускают как минимум два разных локативных значения: «внутри массива некоторого вещества», ср. *увязнуть в грязи́*, и «обильно покрытый, испачканный чем-либо», ср. *пришел в кровí* в ГСРЯ (с. 70).

В своем анализе я оттолкнулся от того списка из 28 существительных третьего склонения, обозначающих вещества и удовлетворяющих основным формальным требованиям на образование второго предложного, который приведен в работе [Плунгян 2002]. В этом списке регулярно образуют формы второго предложного четыре существительных: *грязь, пыль, кровь и шерсть* (еще для трех отмечены «колебания» – *мазь, плоть, кость*); остальные существительные выступают в качестве фона (*слизь, сталь, ткань, ртуть, тушь* и др.).

Большинство словарей признает существование форм второго предложного у существительных *грязь, пыль* и *шерсть* в сочетании с предлогом *в*⁴, а у существительного *кровь* – также и с предлогом *на* (о «легитимизации» этих форм в литературном языке см. [Воронцова 1979, с. 73]). Как уже говорилось, нормативное ударение в формах род. и дат. единственного числа этих существительных падает (и падало раньше⁵) на корень – так указывается в «Орфоэпи-

---

⁴ В *шерсти́* иногда обозначается не как регулярный контекст для формы второго предложного, а как целостное выражение, имеющее значение 'покрытый ключьями шерсти' (ГСРЯ; ОСРЯ), но сути дела это не меняет.

⁵ Единственное систематическое изменение акцентного поведения этих существительных, произошедшее за последние 250 лет, состоит в утрате переноса ударения на предлог в сочетаниях типа *по грязи, по шерсти* (по крайней мере иных изменений не отмечается в детальнейшем исследовании [Еськова 2008]).

ческом словаре русского языка» 1988 г. (далее – ОСРЯ)⁶ и в словаре «Русское словесное ударение» 2001 г.⁷, – а формы с конечным ударением отмечаются в словарях с пометами неодобрения (ср. «не рек. из *грязи*», «!неправ. род. и дат. *крови*» в ОСРЯ).

Эмпирической базой для исследования послужил поэтический корпус в составе Национального корпуса русского языка⁸, см. [Гришина и др. 2009] о принципах организации этого корпуса. Разумеется – и это упоминается в той же статье [Гришина и др. 2009] – использование поэтического корпуса при решении грамматических и акцентологических задач таит свои опасности; в частности, в стихах может формироваться своя акцентная норма, не полностью совпадающая с произносительной нормой других текстов, а исторические изменения в грамматике по данным поэтического корпуса нередко отстают от того, что наблюдается в других типах узуса. И все же поэтические тексты являются бесценным источником сведений об акцентуации, а выявляемые статистические различия в акцентовках сложно считать случайными – даже если наблюдаемые процентные соотношения в ряде случаев могут требовать определенных поправок (о необходимости большего взаимодействия между исторической акцентологией и стиховедением и путях преодоления сложностей, возникающих при таком взаимодействии, см. [Сичинава 2020]).

Итак, в поэтическом корпусе НКРЯ находились все формы обрисованного выше множества из 28 существительных, имеющие окончание *-и*. Далее примеры в сохраненных выдачах размечались по трем признакам: 1) падеж и число существительного, 2) использованный предлог (при наличии) и 3) положение ударения.

Иногда оказывается затруднительно установить реальное ударение, ориентируясь лишь на расположение сильных долей (см. краткое обсуждение этой проблемы в работе [Гришина 2009]). В основном это касалось ситуаций, когда сильные икты приходились одновременно на предлог и окончание: *Где, вѣрно, все, что было слѣз и снѣв, / И дѣ крови крои́л наш вѣк закрѣйщик...* (Б.Л. Пастернак. «Привыкши выковыривать изюм...» (1925–1931)).

---

⁶ Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Около 63 500 слов / Под ред. Р.И. Аванесова. М.: Русский язык, 1988.

⁷ Зарва М.В. Русское словесное ударение. Словарь. Около 50 000 слов. М.: НИЦ ЭНАС, 2001.

⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (далее – НКРЯ; все поэтические тексты далее цитируются по этому источнику).

Сохранена разметка иктов, представленная в НКРЯ.) При отсутствии явных свидетельств в пользу одного из решений⁹ примеры такого рода исключались из дальнейших подсчетов¹⁰. Это было необходимо, в частности, потому, что перенос ударения на предлог возможен обычно только в том случае, если в форме без предлога ударение падает на первый слог, см. обсуждение этой проблемы на примере пушкинского *Все ходит по цепи кругом* в [Иткин 2016].

4. Результаты

Те названия веществ, которые в списке В.А. Плуногьяна [Плуногьян 2002] представлены как не имеющие формы второго предложного (*слизь, сталь, ртуть, тушь* и т. д.), действительно почти не встречаются в этой форме в поэтическом корпусе. В других формах с окончанием *-и* они тоже почти никогда не имеют окончательного ударения. Далее эти существительные рассматриваться не будут¹¹.

Совсем иная картина фиксируется для трех существительных, которые регулярно образуют формы второго предложного: *кровь*,

⁹ Принять однозначное решение часто помогало попадание в зону рифмовки или явная невозможность перетяжки ударения на предлог для определенного сочетания предлога и существительного применительно к конкретной эпохе.

¹⁰ Анализируя перетяжку ударения на предлог в выражении *по грязи* в текстах XVIII–XIX вв., Н.А. Еськова приводит среди иллюстративного материала контексты, которые теоретически допускают две трактовки (*Легко ль тащиться / В дормезе, по грязи, смертельных десять дней* (А.А. Шаховской, Урок кокеткам, или Липецкие воды, 1815)) и однозначно интерпретирует их как случаи перетяжки: *по́ грязи* [Еськова 2008, с. 181–182]. Такая интерпретация очень вероятна, но все же едва ли может быть доказана для каждого конкретного случая, поскольку в текстах примерно того же времени встречаются и несомненные случаи окончательного ударения в форме дательного падежа: *Хоть Подругу наш остов телесный / По житейской таскает грязи;* / *Но Она, как природы небесной, / Все в таинственной, с небом связи!* (Ф.Н. Глинка. Тайны души (1841–1845)). Именно из этих соображений здесь принято осторожное решение исключить случаи, допускающие сомнения, из подсчетов.

¹¹ Единичные примеры второго предложного фиксируются для существительных *медь, ткань* (об их акцентуации в текстах XVIII–XIX вв. см. [Еськова 2008, с. 142–143]), *соль, смесь, персть*, преимущественно в старых текстах. Для *медь* найдено и несколько примеров с ударным окончанием *-и* в других падежах.

грязь и *пыль*¹²: у всех них фиксируются не только «законные» формы второго предложного, но и другие формы с ударением на окончании *-и*. Данные о распределении акцентовок по формам этих существительных представлены в табл. 1¹³. Группы контекстов в табл. 1 выделены так, чтобы было возможно, с одной стороны, количественно сопоставлять разные контексты друг с другом (при более дробной классификации в некоторых группах было бы слишком мало примеров), а с другой стороны, увидеть различия не только между падежами, но и между разными типами употребления одного и того же падежа. Редкие контексты множественного числа всегда имеют на основном ударение (*грязи* и т. д.) и не отражены в табл. 1.

Таблица 1

Крови, грязи и пыли: наосновное (О) и наконечное (К) ударение¹⁴

	<i>крови</i>			<i>грязи</i>			<i>пыли</i>		
	О	К	К%	О	К	К%	О	К	К%
<i>в</i> + предл.	34	1200	97	6	210	97	20	632	97
<i>на</i> + предл.	10	37	79	3	3	50	4	4	50
<i>по</i> + дат.	58	18	24	26	17	40	4	3	43
дат. (иные случаи)	40	4	9	3	1	25	8	4	33
<i>из, от</i> + род.	166	16	9	40	4	9	104	0	0
род. (иные случаи)	1200	37	3	77	0	0	306	1	0
<i>о</i> + предл.	8	0	0	4	0	0	0	0	п.а.
Всего	1516	1312		159	242		446	644	

¹² За пределами рассмотрения остаются также существительные *шерсть*, *мазь*, *кость*, *плоть*. Все они встречаются в форме второго предложного, преимущественно в фиксированных выражениях (*на мази* и т. д.), что соответствует предшествующим описаниям, включая [Плунгян 2002]. Колебания в позиции ударения в других формах с окончанием *-и* фиксируются для существительного *кость*, включая те контексты, где оно обозначает материал, ср.: *И мне не бресті / По го́лой плите́ босоно́гим луна́тиком / Среди́ ли́п и берёз из слоно́вой кости́* (Б.Л. Пастернак. Марбург (1916)); колебания другого рода отмечены для этого существительного в [Иткин 2016].

¹³ Все данные, использованные в дальнейших подсчетах, доступны для скачивания по адресу: <https://github.com/serjozhka/StressRNC>.

¹⁴ В табл. 1 недифференцированно представлены данные за три века. Несмотря на очевидные минусы, это решение принято сознательно: дополнительное разделение на периоды сделало бы таблицу громоздкой, а для выявления диахронических тенденций в ряде случаев было бы недостаточно данных. В целом колебания в ударении, отраженные в табл. 1, характерны и для старых (XVIII–XIX вв.), и для новых текстов, хотя не обязательно в тех же пропорциях, что показывают сводные данные.

Анализ данных, представленных в табл. 1, позволяет сделать следующие выводы.

1) Для всех трех существительных обнаружена почти полностью совпадающая **иерархия**¹⁵ (предложно-)падежных контекстов. Первое место контекстов с предлогом *в* (словарно зафиксированный контекст функционирования «законных» форм второго предложного), последнее место контекстов с предлогом *о* (здесь второй предложный невозможен) и в какой-то мере вторая позиция контекстов с предлогом *на* (по их поводу существует определенная дискуссия, см. ниже) ожидаемы. Расположение же всех остальных контекстов, насколько мне известно, ранее не обсуждалось. То, что полученная иерархия отражает неслучайные закономерности, отчасти следует уже из ее повторения для разных существительных, но дополнительно было проверено статистически: использовался точный тест Фишера, те данные, которые показали значимые ($p < 0,05$) отличия от предыдущей строки, выделены в табл. 1 курсивом. Как можно заметить, случаев, преодолевших порог статистической значимости, немало – и их было бы гораздо больше, если бы сопоставлялись не только соседние строки.

В такой ситуации невозможно считать, что все три существительных демонстрируют лишь бессистемные колебания между такой акцентной схемой, где в единственном числе ударение переходит на окончание только в форме второго предложного, и «экзотической» схемой **f**" (как у существительного *глушь*, см. выше). Если бы это было так, мы могли бы ожидать примерно равной доли окончательных ударений для форм предложного падежа после предлога *о*, родительного и дательного падежей. Очевидно, есть какие-то дополнительные факторы, которые по крайней мере отчасти определяют положение ударения в анализируемых формах.

Поиск этих факторов затрудняется тем, что здесь крайне сложно развести структурные и функциональные (семантические) закономерности, установить правильный уровень обобщения. В частности, мы можем сразу же заметить, что в целом окончательное ударение более характерно для контекстов с предлогами, чем для иных контекстов с теми же самыми падежными формами. Однако, скорее всего, этот фактор не является достаточным для объяснения всех выявляемых различий, что хорошо известно уже даже по случаю с

---

¹⁵ Единственное отклонение наблюдается в случае двух типов контекстов с родительным падежом для существительного *пыль*: здесь обнаружен один контекст с ударением на окончании, из-за которого иерархия сбивается (этот сбой не виден по доле окончательного ударения, выраженной в целых процентах, поскольку в обоих случаях она округляется до 0%).

предложным падежом, где разные предлоги (*в* и *на* vs. *о* и *при*), как известно, ведут себя по-разному. Ниже я предлагаю более подробное обсуждение отдельных позиций, выделенных в табл. 1.

2) В контекстах, где форма предложного падежа сочетается с **предлогом *на***, для существительного *кровь* в основном используется «законная» (т. е. отмеченная в ГСРЯ и ОСРЯ) форма второго предложного (*на крови*); для существительных *пыль* и *грязь* сами такие контексты фиксируются крайне редко, но конкурирующие варианты имеют равную частотность. Это согласуется с тезисом о том, что «[д]ля таких случаев в языке фактически не существует нормы» [Еськова 2011, с. 508]: с одной стороны, оставшийся предлог (в данном случае *на*) сам по себе входит в число возможных «триггеров» второго предложного, но с другой стороны, нужные сочетания слишком редки¹⁶, чтобы храниться в целостном виде наряду с конструкциями типа *в пыли*, *в грязи*.

3) Наконечное ударение в формах **родительного** падежа фиксируется редко, но в контексте предлогов *из* и *от* это происходит чаще, чем в других контекстах, включая контексты беспредложного родительного. Семантический контраст в этом случае очень зыбок, но он может быть намечен. Так, формы генитива *крóви* встречаются у Мандельштама многократно, а ударение *крóви* для этой формы определено устанавливается только в одном контексте:

- (1) Ее любовники – простонародной масти,
И чресла сильные свои
Для сильных бережет и не боится власти
Рук, не отмытых от крови.

*О.Э. Мандельштам.
Собачья склака (1921–1929) –
перевод из Огюста Барбье*

---

¹⁶ По предположению анонимного рецензента, фактор частотности конкретных предложно-падежных сочетаний вообще может способствовать увеличению вероятности появления наконечного ударения в изучаемых конструкциях. Эта идея представляется крайне перспективной, но подробно здесь анализироваться не будет из-за ограниченности проанализированного материала: для ее полноценной проверки были бы необходимы такие «редкие» предложно-падежные сочетания, которые были бы структурно и семантически близки каким-то частотным сочетаниям, но при этом все-таки демонстрировали бы достаточное количество вхождений для статического анализа. К сожалению, в доступных данных таких сочетаний нет: «редкие» предложно-падежные сочетания обычно в самом деле «штучны», при этом в основном они отличаются от «частотных» не только частотностью, но и семантикой, что делает затруднительным выявление вклада фактора частотности как таковой.

Здесь *от кровí* используется в контексте отмывания, очищения – это значение соотносимо со значением ‘быть покрытым, испачканным кровью’, характерным для контекстов второго предложного (*в кровí*).

Появление наконечного ударения в контексте предлога *из* в основном связано с конструкциями, имеющими значение извлечения из массива вещества. Так, у Маяковского форма генитива *грязи* обычно имеет ожидаемое ударение на основе, а наконечное ударение фиксируется в двух контекстах с семантикой извлечения:

- (2) Нет дураков, / ждя, что выйдет из уст его,
стоять перед «маэстрами» толпой разинь.
Товарищи, / дайте новое искусство –
такое, / чтобы выволочь республику из грязи.

В.В. Маяковский.

Приказ 2 армии искусств (1921)

В таких контекстах очевиден семантический параллелизм с другим значением второго предложного, характерным для названий веществ: ‘быть погруженным в массив вещества’ (ср. *волочься в грязи*).

Итак, для родительного можно говорить о слабом семантическом контрасте типа *крóви, грязи vs. кровí, грязí*, где наконечное ударение ассоциируется с семантикой погруженности, испачканности, т. е. в конечном счете плотного контакта. Не вполне ясно, объясняется ли этот контраст только аналогией со вторым предложным [Булаховский 1954, с. 162; Иткин 2016], рудиментами древнего противопоставления генитива и аблатива¹⁷ или обеими этими причинами.

4) Самый интересный результат, отраженный в табл. 1, – это данные для **дательного** падежа, и прежде всего для его сочетаний с **предлогом *по***. Доля наконечного ударения в этих сочетаниях вполне заметна: в сумме для трех существительных это 30%. Это значимо больше, чем для форм генитива (и, видимо, больше, чем для прочих дативных контекстов, хотя статистическую значимость этого различия удастся доказать только для существительного *кровь*).

При объяснении возникновения конструкций типа *по кровí, по грязи* и *по пылí* снова напрашивается идея об аналогии со стороны того, что мы теперь называем вторым предложным падежом

¹⁷ У имен *й*-склонения с подвижной акцентной парадигмой наконечное ударение в древнерусскую эпоху было в большей мере характерно для аблативных значений генитива, см. [Колесов 1972, с. 75] и обсуждение в [Воронцова 1970, с. 70] в связи с текстами XVIII–XIX вв.

- (5) Еще хотелось повидать сестру.
Я думала о ней с такой любовью,
что стало ясно мне: на днях – умру.
То кровь тоскует по родимой крови.

*О.Ф. Берггольц,
«В те дни исчез, отхлынул быт. /
И смело...» (1945)*

- (6) Одна судьба – не две – у человека,
И как дорогу ту ни назови,
Я верен тем, с которыми полвека
Шагал я по грязи и по крови.

*И.Г. Эренбург.
«Я смутно помню шумный перекресток...»
(1957)¹⁸*

Данные об акцентном поведении выражения *по крови* в зависимости от значения суммированы в табл. 2.

Таблица 2

Ударение в выражении *по крови* и его семантика

	<i>по крѳви</i>		<i>по кровѳ</i>	
	N	доля	N	доля
«происхождение»	32	0,9	3	0,1
«управление»	8	0,7	3	0,3
«среда»	18	0,6	12	0,4

Как можно видеть, выше всего доля конечного ударения в контекстах со значением движения сквозь среду (различия между первым и третьим типом контекстов статистически значимы, точный тест Фишера, $p < 0,01$). Это еще раз подтверждает тезис о семантической обусловленности изучаемых акцентных контрастов.

Объем данных, представленных в поэтическом корпусе и отраженных в табл. 1, не позволяет систематически проследить диакронические тенденции в акцентуации конструкций с предлогом

¹⁸ Показательно, что в этом тексте используется сразу две группы с предлогом *по* и конечным ударением в формах изучаемых существительных: *по грязи* и *по крови*.

по, по крайней мере если одновременно контролировать лексический и семантический факторы. Несомненно, что в широкой диахронической перспективе окончательное ударение в этих контекстах вторично: в отличие от родительного падежа, допуславшего колебания и в древнерусскую эпоху, для дательного падежа изучаемых существительных восстанавливается только наосновное ударение [Колесов 1972, с. 79]. В целом формы датива с окончательным ударением фиксируются уже в XVIII в. (возможно, и ранее), ср. у Ломоносова: *Германия сему подобно / По собственной кровѣ плывет*, см. также еще раз [Воронцова 1979, с. 69–70]. Интересно другое: по крайней мере в случае существительного *грязь* (а для него контексты с предлогом *по* почти всегда выражают идею движения сквозь среду) на современном этапе происходит закрепление «незаконного» ударения на окончании. Необходимые данные представлены в табл. 3 (различия между двумя периодами статистически значимы, точный тест Фишера, $p < 0,01$).

Таблица 3

По грязи: позиция ударения и дата создания текста

	<i>по грѣзи</i>		<i>по грязѣ</i>	
	N	доля	N	доля
до 1949 г.	26	0,7	10	0,3
после 1950 г.	0	0,0	7	1,0

Фактическое закрепление ударения в локативном выражении *по грязѣ* происходит вопреки тому, что такое ударение отмечается словарями как ненормативное (см., например, ОСРЯ или словарь «Русское словесное ударение» 2001 г.). Это диахроническое изменение интересно тем, что оно идет вразрез с тенденцией к сокращению круга существительных, имеющих формы второго предложного падежа [Воронцова 1979, с. 72; Плунгян 2002; Еськова 2008, с. 141]. Получается, что помимо существительных, у которых по всей парадигме единственного числа унифицируется наосновное ударение (*дичь, речь*, см. [Еськова 2008, с. 141]), и существительных, у которых на все формы единственного числа с окончанием *-и* распространяется окончательное ударение, изначально характерное лишь для второго предложного (*сеть*, см. [Иткин 2016]), есть и существительные, у которых семантически обусловленный акцентный контраст в формах предложного падежа отчасти реплицируется в других формах с окончанием *-и*.

Несомненно, перенос ударения на окончание в сочетаниях с предлогом *по* возможен не только для существительных, обозначающих вещества, но и для некоторых других существительных третьего склонения, имеющих формы второго предложного: *по стени́* (ср. *Только пули свистят по стени́*) или *по тени́*:

- (7) Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.

С.А. Есенин.

«По дороге идут богомолки...»
(1914)

Однако систематическое изучение более широкого круга существительных – дело будущего.

5. Интерпретация

Эмпирический факт, находящийся в центре проведенного исследования, состоит в том, что по крайней мере у трех существительных, относящихся к третьему склонению и регулярно используемых в форме второго предложного падежа: *кровь*, *грязь* и *пыль* – ударение нередко оказывается на окончании *-и* в других формах единственного числа, особенно в сочетаниях с предлогом *по* (*по кровí* и т. д.). Вероятно, такое явление возникло в результате аналогического влияния со стороны форм второго предложного или по крайней мере поддерживается такой аналогией¹⁹.

С диахронической точки зрения наблюдаемая синхронно картина говорит о том, что обсуждаемые существительные постепенно переходят из такого акцентного типа, для которого характерно стабильное наосновное ударение во всех формах единственного числа, кроме второго предложного, в тот акцентный тип, который уже

¹⁹ Анонимный рецензент указывает, что проанализированные существительные идут по тому же пути, по которому прошли или продолжают идти и другие существительные третьего склонения – *грудь*, *печь*, *сеть* и т. д. Скорее всего, есть много общего у тех закономерностей, которые регулируют вариативность ударения на этапе колебаний у всех этих существительных. Однако анализ всех существительных третьего склонения, получивших или получающих наконечное ударение в формах с окончанием *-и* под влиянием второго предложного падежа, выходит за пределы сравнительно узкого предмета конкретной статьи.

закрепился в современном языке за немногочисленными словами типа *глушь*. Вопрос в том, как в этом промежуточном, переходном, состоянии регулируется выбор ударения в формах единственного числа с окончанием *-и*: являются ли колебания бессистемными или подчиняются определенным семантическим и грамматическим закономерностям. Полученные результаты говорят в пользу второго предположения; об этом свидетельствуют и неравномерное распределение двух акцентовок для разных предложных и беспредложных контекстов с формами родительного и дательного падежей, и некоторые закономерности, обнаруживаемые при рассмотрении отдельных предложно-падежных конструкций.

В зависимости от установок исследователя полученные результаты могут интерпретироваться в структурном или скорее в семантическом ключе. В первом случае особенно важными становятся различия между предложными и беспредложными контекстами, а также между дательным и родительным падежом (в обоих случаях первым назван контекст, для которого окончательное ударение оказывается более характерным). Однако чисто структурные соображения, во-первых, не объясняют всех сделанных наблюдений, а во-вторых, сами заставляют поставить вопрос о существовании семантической мотивации, обуславливающей наблюдаемые структурно-вероятностные различия.

В связи с этим здесь в качестве обобщающей гипотезы выдвигается предположение о том, что ключевой фактор, регулирующий вероятность акцентовок в изученных формах, лежит в области семантики. Согласно этой гипотезе, на уровне вероятностной закономерности существует корреляция между окончательным ударением и локативной семантикой, конкретнее – той ее разновидностью, которую можно вслед за В.А. Плуныным [Плунын 2002] обозначить как «жесткая» локализация. В случае с существительными, обозначающими вещества, это прежде всего связано с семантикой плотного погружения в среду (*брести по грязи*) или покрытости, испачканности веществом (в более редких, но фиксируемых употреблениях вроде *отмыть от крови*).

Сценарий возникновения намеченных семантических контрастов для дательного и, в меньшей степени, для родительного падежа напоминает историю формирования контраста между теми формами, которые мы теперь называем «обычным» и «вторым» предложным:

С исторической точки зрения мы имеем здесь дело с дифференциацией значений первоначально единого падежа, закрепленной с помощью разницы акцентовок... Иначе говоря, акцентовки, первоначально выступавшие просто как варианты, здесь грамматикализуются [Зализняк 1985, с. 375].

В более широком смысле формирование выявленных паттернов соотносимо сразу с двумя общими тенденциями развития ударения в русском языке, выявленными А.А. Зализняком: с тенденциями к семантизации (уподобление акцентного поведения слов, относящихся к одной семантической зоне) и к грамматикализации (расхождение акцентов в рамках парадигмы в соответствии с каким-либо признаком) [Зализняк 1985, с. 371].

Разумеется, нельзя забывать, что речь идет лишь о небольшой группе существительных²⁰ и лишь о вероятностной тенденции²¹. И все же необходимо попытаться ответить на вопрос о том, как с теоретической (и синхронной) точки зрения следует трактовать контрасты вроде *привыкнуть к гря́зи* vs. *брести по гря́зи*.

Один возможный путь состоит в том, чтобы объявить формы в контекстах вроде *брести по гря́зи* «вторым дательным» (тогда для случаев типа *выволочь из гря́зи*, см. (2), пришлось бы говорить уже чуть ли не о «третьем родительном»). Этот путь не представляется привлекательным: при его избрании сущности размножились бы, а групповое совпадение «обычных» и «номерных» падежей пришлось бы считать всего лишь падежной омонимией, что противоречит здравому смыслу.

Более перспективным представляется путь признания в русском языке еще одного бинарного контраста, отчасти ортогонального категории падежа. Планом выражения для этого контраста является положение ударения в формах типа *крóви* vs. *крово́й*, а планом содержания маркированного члена оппозиции (*крово́й*) – значение жесткой локализации, плотного контакта²².

²⁰ Эта группа не ограничена тремя рассмотренными здесь существительными, но, видимо, очень невелика и является подмножеством того круга существительных третьего склонения, у которых есть формы второго предложного.

²¹ Впрочем, и контраст между «обычным» и «вторым» предложным – тоже лишь вероятностная тенденция, пусть и более последовательная. Об этом говорит и наличие существительных, у которых формы с окончательным ударением в контекстах, типичных для второго предложного, возможны, но не обязательны [Еськова 2011, с. 507], и непредсказуемое поведение существительных, имеющих второй предложный, в контексте «неожиданного» для них предлога, см. данные для предлога *на* выше.

²² Для такой оппозиции в русской грамматике есть прецеденты, ср. категорию одушевленности, накладывающуюся на падеж в словоизменении прилагательных, и прагматическое противопоставление «привычного» и «чуждого» в именном склонении, основным способом выражения которого является выбор акцентной схемы [Зализняк 1977/2002, с. 484–485; Зализняк 1985, с. 375–376].

Благодарности

Замысел этого исследования возник при обсуждении второго предложного падежа в ходе лекции по русской морфологии на отделении общего языкознания СПбГУ. Я признателен Б.И. Гринберг, Д.А. Ермаковой, А. Жук, М.О. Серовой, С.А. Терской и В.П. Шуваловой за вопросы и наблюдения, сделанные в ходе этой дискуссии. Также я хочу поблагодарить И.Б. Иткина и В.А. Плунгяна за обсуждение некоторых вопросов, затрагиваемых в этом тексте, а А.Ю. Русакова, П.М. Аркадьева и анонимного рецензента – за замечания, учтенные мною на этапе редактирования. Ответственность за все возможные неточности и ошибки лежит на мне.

Acknowledgements

This paper grew out of a vivid discussion that took place during my lecture on Russian morphology at the Department of General Linguistics at St. Petersburg State University. I am indebted to Daria Ermakova, Bella Grinberg, Maria Serova, Varvara Shuvalova, Serafima Terskaya, and Anastasiya Zhuk for their contribution to that discussion. I want to thank Ilya Itkin and Vladimir Plungian for their feedback on some of the issues raised in this paper. I am also grateful to Alexander Rusakov, Peter Arkadiev, and an anonymous referee for their comments on an earlier version of this paper. The usual disclaimers apply.

Литература

- Булаховский 1954 – *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. 2-е изд., испр. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
- Воронцова 1979 – *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Гришина 2009 – *Гришина Е.А.* Корпус «История русского ударения» // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / Ред. В.А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 150–174.
- Гришина и др. 2009 – *Гришина Е.А., Корчагин К.М., Плунгян В.А., Сичинава Д.В.* Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / Ред. В.А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.

- Еськова 2008 – *Еськова Н.А.* Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 960 с.
- Еськова 2011 – *Еськова Н.А.* Избранные работы по русистике. Фонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: Языки славянских культур, 2011. 648 с.
- Зализняк 1977 – *Зализняк А.А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 8 / Ред. В.А. Звегинцев. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 71–119.
- Зализняк 1985 – *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 432 с.
- Зализняк 2010 – *Зализняк А.А.* Ударение в современном русском склонении // *Зализняк А.А.* Труды по акцентологии. Том I. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 431–447.
- Иткин 2016 – *Иткин И.Б.* Удивительная история второго предложного падежа. Выступление в рамках проекта «Публичные лекции “полит.ру”» 19 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://m.polit.ru/article/2016/08/20/itkin_lecture/ (дата обращения 19 апреля 2020).
- Колесов 1972 – *Колесов В.В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л.: ЛГУ, 1972. 256 с.
- Плунгян 2002 – *Плунгян В.А.* К семантике русского локатива // Семиотика и информатика. 2002. Вып. 37. С. 229–254.
- РГ-80 – Русская грамматика. Т. 1–2 / Ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
- Сай 2020 – *Сай С.С.* *Грязь, пыль и кровь* в поэтическом корпусе: семантизация акцентовок в конструкциях с предлогом *по* // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей: Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна / Ред. А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева. М.: Буки Веди, 2020. С. 116–120.
- Сичинава 2020 – *Сичинава Д.В.* Русская историческая акцентология и стиховедение: малознакомые ровесники // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей: Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна / Ред. А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева. М.: Буки Веди, 2020. С. 111–115.

References

- Bulakhovskii, L.A. (1954), *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis* [Russian literary language of the first half of the 19th century. Phonetics. Morphology. Stress. Syntax], Uchpedgiz, Moscow, USSR.
- Es'kova, N.A. (2008), *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov. Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poyasnitel'nye stat'i* [The standard in

- the Russian literary language of the 18–19th centuries. Stress. Grammatical forms. Lexical variants. Dictionary. Commentary], *Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi*, Moscow, Russia.
- Es'kova, N.A. (2011), *Izbrannye raboty po rusistike. Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya. Orfografiya. Leksikografiya* [Selected works on the Russian linguistics. Phonology. Morphology. Morphology. Orthography. Lexicography], *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, Moscow, Russia.
- Grishina, E.A. (2009). "The 'History of the Russian stress' corpus", Plungyan V.A. (ed.). *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [The Russian National Corpus: 2006–2008. New results and outlook], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia, pp. 150–174.
- Grishina, E.A., Korchagin, K.M., Plungyan, V.A. and Sichinava, D.V. (2009). "Poetic corpus within the RNC: general structure and an outlook for future use", in Plungyan V.A. (ed.). *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [The Russian National Corpus: 2006–2008. New results and outlook], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia, pp. 71–113.
- Itkin, I.B. (2016), *Udivitel'naya istoriya vtorogo predlozhnogo padezha. Vystuplenie v ramkakh proekta 'Publichnye leksii polit.ru' 19 maya 2016 g.* [The astonishing story of the second locative. A presentation within the "Public lectures at polit.ru" series, May 19, 2016], available at: https://m.polit.ru/article/2016/08/20/itkin_lecture/ (Accessed 19 April 2020).
- Kolesov, V.V. (1972), *Istoriya russkogo udareniya. Imennaya aktsentuatsiya v drevnerusskom yazyke* [History of the Russian stress. Nominal accentuation in Old Russian], Leningrad State University, Leningrad, USSR.
- Plungyan, V.A. (2002), "Towards a semantics of the second locative", *Semiotika i informatika*, iss. 37, pp. 229–254.
- Say, S.S. (2020), "Gryaz', pyl' i krov' in a poetic corpus: semanticization of accentual contrasts in constructions with the preposition *po*", Kibrik, A.A., Semenova, Ks.P., Sichinava, D.V., Tatevosov, S.G., Urmanchieva, A.Yu. (eds.), *VAProsy yazykoznaniya: Megabornik nanostatei. Sbornik statei k yubileyu V.A. Plungyana* [Issues in linguistics: a macrocollection of micropapers. A collection of papers presented to V.A. Plungyan on the occasion of his birthday], Buki Vedi, Moscow, Russia, pp. 116–120.
- Sichinava, D.V. (2020), "Russian historical accentology and theory of verse: poorly acquainted peers", in Kibrik, A.A., Semenova, Ks.P., Sichinava, D.V., Tatevosov, S.G., Urmanchieva, A.Yu. (eds.), *VAProsy yazykoznaniya: Megabornik nanostatei. Sbornik statei k yubileyu V.A. Plungyana* [Issues in linguistics: a macrocollection of micropapers. A collection of papers presented to V.A. Plungyan on the occasion of his birthday], Buki Vedi, Moscow, Russia, pp. 111–115.
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980), *Russkaya grammatika* [Russian Grammar], vols. 1–2, Nauka, Moscow, USSR.
- Vorontsova, V.L. (1979), *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya* [Stress in the literary Russian languages of the 18th and 19th centuries. Inflectional forms], Nauka, Moscow, USSR.

- Zaliznyak, A.A. (1977), "Patterns in the accentuation of Russian monosyllabic masculine nouns", Zvegintsev V.A. (ed.), *Publikatsii Otdeleniya strukturnoi i prikladnoi lingvistiki* [Publications of the Department of structural and applied linguistics], iss. 8, Moscow State University, Moscow, USSR.
- Zaliznyak, A.A. (1985), *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From Proto-Slavic to modern Russian accentuation], Nauka, Moscow, USSR.
- Zaliznyak, A.A. (2010), "Stress in modern Russian inflection", in Zaliznyak, *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology], vol. 1, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, pp. 431–447.

Информация об авторе

Сергей С. Сай, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199004, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9; serjzhka@yahoo.com

Information about the author

Sergey S. Say, Cand. of Sci. (Philology), Russian Academy of Sciences Institute for Linguistic Studies, Saint Petersburg, Russia; bld. 9, Tuchkov Lane, Saint Petersburg, Russia, 199004; serjzhka@yahoo.com